

Е. Н. ЛИСАНИЮК

Аргументация и следование правилу¹

1. Введение

Аргументацию можно понимать как следование правилу в практической трактовке этой витгенштейновской идеи, но нельзя — в ее теоретической крипкенштейновской трактовке. В последнем случае это ведет к парадоксу следования правилу. Замысел сравнить аргументацию и следование правилу возникает по двум причинам: аргументацию часто представляют в виде корпуса правил и важной ее частью считают изучение ошибок в рассуждениях.

Статья построена следующим образом. Для обоснования основной идеи статьи мы в п. 2 предложим три пути (подхода) к пониманию роли правил аргументации, в русле чего аргументация предстанет как зонтичный термин для похожих, но не одинаковых видов деятельности наподобие того, как следование правилу Витгенштейн предлагал считать парадоксальным, т. е. сигнализирующим одновременно действию по правилу и вопреки ему или демонстрирующим «семейное сходство» разных видов деятель-

¹ Эта статья представляет собой доработанную версию моих выступлений на двух международных конференциях: «Логические аспекты рациональной деятельности агентов» (LARA2014, Санкт-Петербург, СПбГУ, 16–18.10.2014) и «Следование правилу: рассуждение, разум, рациональность» (Rule-Following: Reasoning, Reason, Rationality conference (Москва, НИУ-ВШЭ, 21–23.10.2014). Участникам обеих конференций я благодарна за стимулирующие комментарии и полезные замечания, позволившие улучшить эту статью. Краткая ее версия была опубликована в материалах конференции на англ. яз.: *Lisanyuk E. Argumentation and the Rule-Following. Следование правилу: рассуждение, разум, рациональность / Отв. ред. Е. Г. Драгалина-Черная, В. В. Долгоруков. СПб.: Алетейя, 2014. С. 10–18.* Версия на русском языке публикуется впервые. По сравнению с английской она существенно дополнена и расширена по итогам дискуссии на конференции в 2014 г. и в результате дальнейших исследований.

ности. Раздел 3 посвящен изложению идеи следования правилу. В разделе 4 мы рассматриваем интерпретацию аргументации в духе витгенштейновского практического сценария понимания следования правилу, а в разделе 5 иллюстрируем ее при помощи апеллирующих аргументов «к человеку», «к жалости» и «к авторитету». Они оказываются ошибками аргументации, если трактовать ее как следование правилу в духе «крипкенштейновского» сценария, и допустимыми аргументами, если придерживаться практического сценария.

2. Аргументация как зонтичный термин и «семейное сходство»

Аргументация, или теория аргументации, — это широкая междисциплинарная область исследования и одновременно общее название, своего рода зонтичный термин, объединяющий под собой различные виды интеллектуальных операций, включая рассуждение, обоснование, спор и убеждение, а также соответствующие концепции аргументации, изучающие подобные интеллектуальные операции. Сфера интересов того, что относят к области (теории) аргументации, простирается от формальных аспектов умозаключений до неформальных аспектов убеждения, критического мышления и изменения эпистемических состояний агентов.

Например, доказательство — это одновременно раздел (теории) аргументации, устанавливающий правила обоснования, критики и опровержения точек зрения, а также раздел логики, где исследуют формы и способы его построения в формальных теориях в логике, математике и информатике, так что доказательство во втором смысле выступает частью методологического фундамента доказательства в первом смысле. Иными словами, доказательство в (теории) аргументации — это совокупность концепций того, каким образом на практике реализуются правила доказательства, выработанные в логике, и каким образом можно следить за их соблюдением в диалоге и споре в той или иной предметной области. Доказательство в логике — это умозаключение, его изучают на предмет выявления корректной формы перехода от посылок к заключению, сохраняющей истинность посылок и гарантирующей его перенос на заключение. В аргументации умозаключение играет роль аргумента и носит дискурсивно-публичный характер, оно производится перед лицом других участников диалога, часто — с использованием сделанных ими ранее утверждений и предъявляется им в качестве рационального и универсального свидетельства о прием-

лемости или неприемлемости какой-либо точки зрения. Таким образом, то, что в логических теориях называют выводом или умозаключением, становится доводом или аргументом в диалоге и споре, и предметом изучения в (теории) аргументации, включая и особенности предъявления аргументов в конкретных областях знания и деятельности людей.

Иначе дело обстоит с убеждением, составляющим важную часть области изучения аргументации. Убеждение в аргументации сводится к совокупности процедур и процессов, обеспечивающих изменение участником диалога своей точки зрения в пользу точки зрения другого участника. В логических теориях убеждение предстает иначе. С одной стороны, убеждение это мнение агента о чем-либо, т. е. непостоянная и не всегда верная часть сведений агента о чем-либо, противоположная его знаниям как достоверным и постоянным сведениям, и в таком ракурсе убеждения мнение — это элемент формальной онтологии в (теориях) аргументации. С другой стороны, в логике убеждение как процесс или процедура модификации точки зрения агента сводится к умозаключению, и представляет собой операцию взятия следствий из множества предложений — посылки или доказательство как особый случай осуществления этой операции. По умолчанию подразумевается, что всякое истинное следствие и корректное доказательство приемлемо в любой предметной области и убедительно для всякого рационального агента.

Похожим образом дело обстоит и в аргументации о действиях — о том, что нужно делать или как поступать в той или иной ситуации. Рассуждения о действиях можно моделировать средствами логических теорий, отвлекаясь от того, что действия и предложения, описывающие что-либо, — это не одно и то же, как с формальной, так и с онтологической точки зрения. Действия и поступки, а также интеллектуальные намерения их совершить — это объекты физического мира, царства реальных вещей, в отличие от предложений факта, или пропозиций, — описывающих факты мысленных абстракций из царства умопостигаемого, которым можно сопоставить истинностные значения и которые поэтому можно использовать в качестве посылок умозаключений. Трудновыполнимой задачей будет и составление списка того, от чего нужно абстрагироваться, чтобы одинаковым образом трактовать действие и описывающее его предложение (пропозицию) в целях их логического исследования, и формулирование правил аргументации, санкционирующих обращение с действиями, наподобие того как правила (построения) доказательства санкционируют обращение с предложениями.

Итак, зонтичный термин «аргументация» охватывает разные концепции анализа и моделирования того, что можно назвать умозаключением, рассуждением и т. п. Можно ли говорить, что логические теории предоставляют методологические основания для теории аргументации? Если да, то в таком случае логические теории — это некие *минимальные теории* аргументации, и следование логическим правилам в аргументации выступает необходимым принципом ее эффективности². Правомерно ли утверждать, что аргументация — это своего рода публичная имплементация формальных теорий, включая логические, выступающих идеалом аргументации? Если да, то несмотря на то, что существует корпус правил аргументации, следование которым обеспечивает ее эффективность, между *минимальными* формальными правилами и правилами аргументации имеется зазор, заполненный специальными связующими принципами (*bridging principles*), соединяющими формальный и верифицируемый посредством формализмов минимум корректности умозаключений с аргументационным максимумом дискурсивной убедительности рассуждений.

В теориях аргументации концепции того, что считать аргументом, корректным рассуждением или легитимным убеждением похожи, во многом пересекаются, но не идентичны. Эту не-идентичность можно фиксировать тремя путями, отправной точкой для которых служит признание того факта, что формальные правила, включая логические, и правила рассуждений, или правила аргументации, — это разные группы правил. Первый путь ограничивающий, он пытается сформулировать некие связующие принципы, которые бы продемонстрировали, почему на основании принятия посылок *A* и *B* рациональный агент обязан принять заключение *C* в качестве следующего из *A* и *B*. В таком случае следование минимальному для аргументации корпусу формально-логических правил отделяется от признания существования связующих принципов и действий, сообразных с ними, однако следование и тем и другим будет равнозначно следованию правилам аргументации, обеспечивающим ее эффективность. Второй путь заключается в том, чтобы создать единую

² Эффективность аргументации — абстракция, фиксирующая достижение цели, с которой агент приступает к аргументации. В логическом смысле эффективность аргументации сводится к корректности доказательства, в смысле риторики — к приемлемости точки зрения для слушателя, в смысле прагматики — к совершению слушателем того, что от него требуют речевые сообщения говорящего, например, к выполнению действия или согласию с мнением говорящего.

многокомпонентную теорию, в которой каждая группа правил, и таких групп может оказаться две и более, будет оперировать на своём уровне аргументации или в своей предметной сфере, где и обретет подобающее ей место.³ Этот путь идеализирующий, он стремится сконструировать идеальные модели аргументации, связанные с определенными ее аспектами или с выделяемыми группами правил. Можно выделить три уровня анализа аргументации и понимать каждый из них как выражение некоего идеала или идеальной модели, или как уточнение предметной области применения той или иной группы правил:

— формальный, где осуществляется моделирование аргументации средствами таких наук как логика, математика и информатика;

— лингво-прагматический, где изучают особенности представления аргументации в речи, включая механизмы кодирования и декодирования информации в ходе обмена сообщениями-аргументами;

— социально-коммуникативный, связанный с анализом диалогов, стратегическими, деятельностными и трансцендентально-прагматическими аспектами аргументации.

И, наконец, третий путь, его можно назвать диверсифицирующим, предлагает под одним зонтичным термином различать виды аргументации как разные, хотя и похожие между собой виды интеллектуальной деятельности. Например, аргументацию о действиях и аргументацию о знаниях и мнениях о ситуациях и фактах. Разновидностями аргументации о знаниях и мнениях будут убеждение — интеллектуальное взаимодействие агентов спора с целью изменить мнение агента и обоснование, где приводятся доводы за и против какой-либо одной точки зрения, чтобы проверить ее состоятельность. В таком случае корпусы правил для каждого из видов аргументации будут разными, хотя и могут в чем-то пересекаться. Ограничивающий путь подразумевает многосортность идеала аргументации, диверсифицирующий — его многоукладность, а идеализирующий — его единственность (уникальность).

Тезис о том, что имеются правила для процессов и процедур аргументации, специфические для того или иного идеала (идеальной модели) аргументации, для каждого из уровней или аспектов ее анализа или для разных видов аргументации, разделяет боль-

³ Этот проект стремится к созданию системных или комплексных моделей аргументации и развивается как ответвление программ искусственного интеллекта.

шинство исследователей аргументации. Вместе с тем, вопросы о характере этих правил, т. е. о том, являются они конституирующими и нацелены обеспечить технически достижение определенного результата, или регулируемыми, т. е. предназначены для разных целей и при определенных условиях способствуют достижению тех или иных результатов, а также о том, в чем состоит суть этих правил и какую роль они играют на том или ином уровне (анализа) аргументации или применительно к тому или иному ее виду, — все эти вопросы являются открытыми и широко обсуждаются в исследовательской литературе. Эти же вопросы о сути аргументации можно сформулировать и в русле ограничивающего, идеализирующего и диверсифицирующего путей понимания корпуса ее правил.

Такая ситуация с пониманием правил аргументации сближает идею зонтичного термина «аргументация» с идеей «семейного сходства», сформулированной Витгенштейном для объяснения сути следования правилу. «Я имею в виду настольные игры, карточные игры, игры в мяч, спортивные игры и т. п. Что свойственно им всем? — Не говори: *Должно* быть нечто общее им всем, иначе они бы не назывались играми, но *посмотри*, есть ли что-нибудь общее для них всех. <...> В результате можно сказать: мы видим сложную сеть сходств, переплетающихся и пересекающихся. Сходств больших и малых... Я не могу придумать никакого лучшего выражения для характеристики этого сходства, чем «семейное сходство»; ибо именно так переплетаются и пересекаются различные линии сходства, существующие между членами одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т. д. и т. п. И я буду говорить: «игры» образуют семью <...>. Вместо раскрытия чего-то общего для всех явлений, которые мы называем языком, я говорю, что эти явления не имеют чего-то общего им всем и позволяющего нам употреблять одно и то же слово для их обозначения, но они родственны друг другу многими различными способами»⁴.

В исследованиях аргументации с наибольшей остротой вопросы о месте и роли правил и следования им нашли выражение в дискуссиях об ошибках в рассуждениях, начало которой было положено Аристотелем в трактате «О софистических опровержениях». Новый импульс этим дискуссиям придала идея Ч. Хэмблина о том, что ошибки рассуждений подразумевают определенные правила, нарушениями которых они выступают. По-новому взглянуть на классификации ошибок в рассуждениях

⁴ Витгенштейн Л. Философские исследования. М., 2011. § 66–67.

позволяют идея следования правилу и одноименный парадокс, сформулированные Л. Витгенштейном, а также последующее их обсуждение в академических дискуссиях последних десятилетий. Можно ли утверждать, что следование правилам аргументации обеспечивает ее эффективность? Ошибки аргументации сигнализируют о нарушении правил или об их существовании? Почему одни ошибки аргументации делают невозможным ее продолжение, а другие — лишь меняют ход аргументации, направляя ее в определенное русло?

Ответы на эти вопросы дают различные интерпретации идеи следования правилу, теоретическая и практическая, или деятельностная. Они помогают понять, почему теоретическая интерпретация следования правилу характеризует ограничивающий путь понимания правил и ошибок аргументации, а деятельностная — диверсифицирующий. Промежуточное положение занимает идеализирующий путь, в русле которого такая многоплановая и многокомпонентная деятельность как аргументация может оказаться парадоксальной и повлечь скептический парадокс — в духе парадокса следования правилу, сформулированного Витгенштейном. Источником этой кажущейся парадоксальности аргументации, однако, выступает не идея следования правилу, но путаница в том, каким образом понимается роль правил аргументации в русле идеализирующего пути — между правилами аргументации, относящимися к разным видам или уровням ее анализа, когда действие правил, конституирующих или регулирующих один ее вид или уровень, переносится и на другие ее виды или уровни анализа. Ограничивающий и диверсифицирующий пути подобной парадоксальности не влекут.

Авторы, рассматривающие аргументацию в духе диверсифицирующего пути полагают, что под правилами следует понимать «сложившиеся в конкретной области требования к ней. Аргументация будет некорректной, если не соблюдаются требования, относящиеся к процедурам обоснования, к процессам коммуникации, к моральным качествам аргументирующего»⁵. Такой подход означает, что имеется несколько групп правил, подразделяемых в зависимости от уровня анализа аргументации, особенностей агентов — участников спора или области ее применения. Можно выделять группы правил применительно к трем уровням ее анализа или ее видам, предложенным выше. Другой способ выделения правил аргументации в русле ди-

⁵ Ивин А. А. Основы теории аргументации. М., 1997. С. 294.

версифицирующего подхода — делать это в связи с областями применения аргументации и технологическими способами ее реализации. Например, аргументация может быть научная, юридическая, политическая, религиозная и т. д., и каждая ее разновидность получит выражение в специальных правилах, характеризующих ту или иную область. Так, в научной аргументации, а это преимущественно аргументация о знаниях и мнениях, социальный и агентный аспект аргументации не является существенным, в отличие от юридической аргументации, где статус аргументов, свидетельских показаний или экспертных заключений, и процессуальные роли участников аргументации важны и закреплены законодательно. В смысле технологических способов реализации изучают вербальную, речевую, визуальную и т. п. аргументацию.

Авторы, придерживающиеся идеализирующего подхода, обычно в качестве идеала выбирают обычно логику или математику, как, например, Б. Спиноза, написавший философский трактат в стиле математического, либо информатику и IT-приложения, как в теории абстрактных структур аргументации. В силу того, что логика нацелена на сохранение истины при переходе от посылок к заключению, и считает такого рода сохранение истины своей главной целью, то аргументация, рассматривающая логическую корректность рассуждения в качестве своего идеала, подразумевает, что для того, чтобы убедить другого принять некое положение, достаточно продемонстрировать, что оно истинное. В идеализирующем подходе аргументация — это версия логического учения о доказательстве, применяемого в точных науках, расширенная для использования и в других сферах знания, а не только в точных науках, где используют строгие доказательства. Особенность следования правилам идеала в этом подходе заключается в том, что по умолчанию имеется согласие относительно того, кто, к чему и при каких условиях применяет эти правила. «Этот идеал является одним из основных принципов математики. <...> С тех пор как математика не имеет внешнего предмета изучения и основывается на согласии ограниченного круга посвященных, она не может развиваться вне рамок, доставляемых жесткими правилами. Существование этого идеала гораздо важнее, чем его недостижимость»⁶. Проблематичность следования правилу в русле идеализирующего подхода связана с тем, что в нем явно не постулируется, что существует один единственный идеал,

⁶ Манин Ю. И. Математика как метафора. М., 2014. С. 61.

которому необходимо следовать, но неявно это подразумевается несмотря на то, что и сам идеал и соответствующий ему корпус правил редко формулируются эксплицитно.

Ограничивающий подход к исследованию аргументации, подразумевающий многосортность правил, конституирующих и регулирующих ее, заявил о себе во второй половине XX в. в концепциях формальной диалектики Ч. Хэмблина, теорией спора Н. Решера и диалоговой логики П. Лоренцена и К. Лоренца. Общая идея этих концепций, предназначенных моделировать то, каким образом агенты обосновывают или опровергают предложения, выраженные формулами, заключается в том, что такая деятельность предполагает, по меньшей мере, три непесекающиеся группы правил. Переход от одного раунда спора к другому осуществляется по правилам какой-либо логики, например, классической или интуиционистской. Агенты делают свои ходы по специальным правилам, например, в формальной диалектике можно утверждать предложение (формулу), задать вопрос, из чего следует данная формула, потребовать проверки непротиворечивости множества предложений, составляющих поле обязательства агента, но нельзя отказаться от ранее принятого предложения. Наконец, по умолчанию принимаются социальные правила о том, что агенты ходят по очереди, не перебывая друг друга, за один ход делают только одно действие и т. п.

Таким образом, в ограничивающем и идеализирующем подходах в аргументации роль правил тотальная и правила понимаются как фундаментально, в конституирующем и техническом смысле, так и ситуативно, в регулирующем смысле. Отличие между двумя подходами состоит в том, что в ограничивающем подходе применимость отдельных групп правил локальная. Наряду с тем, что существуют правила, играющие конституирующую роль также и в отношении предмета аргументации, составляя своего рода *минимальную* теорию аргументации, выделяют и группы правил иного характера и с другой сферой применения, например, связующие принципы, и только взятые вместе разные группы правил носят тотальный характер. В идеализирующем подходе роль правил тотальная также и в смысле применимости, потому что она основана на особенностях принимаемого идеала, а также на согласии по поводу самого идеала; при этом идеалу редко даются четкие формулировки, а согласие существует по умолчанию. В диверсифицирующем подходе роль правил локальная, и ограничена тем, к чему, кем и когда они применимы.

3. Следование правилу: проблема и парадокс

3.1. Что значит следовать правилу?

Идею следования правилу Л. Витгенштейн предложил в «Философских исследованиях», опубликованных посмертно в 1953 г., и предназначал ее для пояснения того, каким образом люди овладевают каким-либо естественным языком, например, русским или английским. По его мнению, имеется три практических приема овладения языком, демонстрирующие существенные особенности этого процесса:

- (1) Остенсивное освоение словарного запаса;
- (2) Опытная проверка языковой компетенции;
- (3) Социальная верификация языковых навыков.

Суть всех трех приемов сводится к методу проб и ошибок, применяемому для разных аспектов овладения языком. Для каждого из указанных трех аспектов используется своя социально-ориентированная практика, отсутствие которой делает невозможным овладение им, хотя и оставляет открытой возможность существования «персональных языков»⁷.

Метод проб и ошибок (1) в освоении словарного запаса заключается в том, чтобы посредством указания на реальные вещи, запоминать слова, называющие их. Проверка освоения словарного запаса и правильности используемых синтаксических конструкций (2) осуществляется в процессе речевого взаимодействия с людьми. Социальная коммуникация помогает отладить навыки владения языком как средством для выполнения определенных социальных действий (3), например, обещаний или просьб. Все три приема подразумевают социальную практику, регулирующую использование словарного запаса (1), так что распознавание смысла сказанного основывается на том, что разные люди один тот же предмет будут называть одинаковым словом. В части построения синтаксических конструкций (2) это дает возможность обмена языковыми сообщениями между носителями языка, и вместе с (1) обеспечивает минимизацию искажений информации. Социальные нормы поведения во многом основаны на устойчивых социальных навыках использования языка (3), таковы правила вежливости и делового этикета.

В точных науках, например, в логике и математике, (1) и (2) фиксируются заданием специального формального языка, что

⁷ В современной когнитивной психологии и философии сознания идею «персонального языка» связывают с понятием внутренней речи, ментального языка.

обеспечивает получение одинакового результата при построении доказательств и решении задач, независимо от того, применяем мы правило, самостоятельно производя операции, или опираемся на него, интерпретируя то, как был получен чей-то результат. Так, если не закралась ошибка, результат сложения двух чисел $57+68=125$ будет одинаковый у ученика, осваивающего арифметику, его учителя, проверяющего решение этой задачи учеником, и профессора, написавшего учебник арифметики, который используют ученик и учитель.

Чёткие границы предметной области и замкнутый (замыкающий) характер правил⁸ по отношению к ним в точных науках гарантируют подобный результат, одинаковый независимо от следующих трех аспектов применения правила:

— От агента: неважно, кто его применяет, профессор — эксперт в его применении, или ученик — осваивающий само правило и его применение;

— От объекта приложения: несущественно, к каким случаям его применяют — для сложных вычислений или для решения элементарной школьной задачи;

— От условий применения: не имеет значения, в какой ситуации оно применено — в научных исследованиях или для научения.

Чёткие границы предметной области определяют объекты приложения, необходимым образом характеризуют условия применения и абстрагируются от особенностей от «агентного» допуска, как в большинстве формальных теорий, где хотя и подразумевается, что действия и операции кто-то производит, но от этого обстоятельства отвлекаются как от несущественного. Например, в символической логике применение правила вывода возможно только к формулам, построенным согласно определениям языка и формулы в той теории, в которой оно принимается в качестве такового, и лишь в специальных мульти-агентных теориях предусмотрены выразительные возможности для различий между агентами, их применяющими. Тем самым обеспечивается объективированный и замкнутый характер формальных теорий, где результат всякого корректного применения правил к установленной предметной области признается элементом данной теории, как это обстоит с доказанными теоремами или числовыми результатами вычислений. Подобным образом обстоит

⁸ Замкнутый характер носит формальная теория, где всякий принадлежащий ей элемент это либо одна из ее аксиом, либо получен из них по имеющимся в ней правилам.

дело в умозаклучениях, построенных в соответствии со строгими логическими правилами, например, доказательств или формальных выводов, а также в программных приложениях.

Однако когда мы выходим за рамки этих границ хотя бы в одном из этих трех аспектов, как это происходит в изучении языка, а также в других социальных практиках, где границы всех трех аспектов очерчены приблизительно, повторяемость одинакового результата применения правила не гарантирована. Это происходит и при выполнении простых социально значимых действий, и в действиях, связанных с освоением языка и точных наук. Связующие принципы, соединяющие правила логики с правилами изменения мнений в рассуждениях и спорах, сами выступают в роли специальных правил и позволяют не принимать в расчет объект приложения и условия применения, с учетом того, что агенты в диалоге принимают эти связующие принципы. Так, «главный» связующий принцип Макфарлейна состоит в том, что если агент знает или придерживается мнения о том, что схема умозаклучения S корректная, что примером использования этой схемы является умозаклучение, в котором из посылок A и B вытекает заключение C , и что посылки A и B верны, то он должен принять C как достоверное и следующее из A и B , т. е. у него нет разумных причин его не принимать.

Однако область логики, информационных технологий, аргументации и ревизии убеждений — это область с более или менее четко очерченными границами, где определены, по крайней мере, некоторые из трех ракурсов границ — агент, условия приложения или область применения. Это сделано посредством того, что соответствующие теории трактуются в духе ограничивающего, идеализирующего либо диверсифицирующего подхода в понимании правил и следования им.

В отличие от этого, языковая и рече-коммуникативная практика — это не теория в каком-то из этих трех подходов, задача которой состоит в том, что выявить и определить более или менее сбалансированный корпус правил, а реальная практическая деятельность, где подобные правила могут быть воплощены по-разному. Например, несмотря на то, что пользователям естественного языка хорошо известен точный смысл слов, используемых в качестве индикаторов аргументации и выдвижения точки зрения в споре, а также правила построения синтаксических конструкций с ними, часто в диалогах интерпретируют их значение по-разному. Заявление агента спора о том, что он не уверен в данном тезисе, можно трактовать и как критическое несогласие с ним, предполагающего дальнейшие контраргументы, и как

выдвижение противоположного тезиса, подразумевающего обязательство защищать его в диалоге посредством аргументов, и как сомнение, не подразумевающего такого обязательства. Индикаторы аргументации — это выражения вроде «потому что», «поэтому» и т.п., иногда их называют логическими маркерами, — указывают на переход от посылок к заключению по какому-либо правилу и могут быть поняты как сигналы применения логических правил, о чем добросовестно сообщает большинство учебников по логике. Однако эти же индикаторы часто используют и как риторические фигуры речи, желая подчеркнуть строгость рассуждения, когда она сомнительна. В объяснении этих и подобных им примеров справедливо указывают на социальную подоплеку использования и самих правил и правил подачи коммуникативных сигналов об их применении. Отметим, что следование правилу и коммуникативный сигнал об этом — это разные по содержанию действия, хотя на практике они могут совпасть по форме. Повторяемость результата при следовании правилу и возможность установить факт следования правилу оказались под сомнением и в математике, как замечает Витгенштейн в примере с последовательностью чисел. Такая последовательность, будучи для одного человека результатом применения одного набора алгебраических функций, для наблюдающего за появлением чисел из этой последовательности может казаться результатом другого их набора.

Таким образом, следование правилу в условиях строго очерченных границ его применения определенными агентами, в определенных условиях и к определенным случаям гарантирует стабильный и одинаковый результат его применения. Вопрос заключается лишь в том, на основании чего мы заключаем о том, было ли применено данное правило или нет, когда нет подобных границ: считаем ли мы, что следование правилу одним агентом похоже или, наоборот, не похоже на следование ему другим агентом, сопоставляя, схожи или нет случаи и условия его применения. Этот вопрос часто формулируют как водораздел между психологическим и социологическим пониманием следования правилу. Психология следования правилу говорит об инструментальной роли правила с точки зрения того, как агент выполняет ту или иную операцию, что, с одной стороны, открывает возможность трактовать следование правилу в духе ментальных процедур и «персонального языка», а с другой стороны, ставит под сомнение достоверность такой. Социология следования правилу фокусируется на распознавании правила по результату действия агента, и это позволяет считать и действие и агента

рациональными. Ни психологическое ни социологическое понимание нельзя признать удовлетворительным из-за трудностей с верификацией следования правилу и в том и в другом случае.

3.2. Витгенштейн о двух подходах к идее следования правилу

Витгенштейн формулирует два сценария для ответа на вопрос о следовании правилу, практический и теоретический. Практический сценарий намечает совокупность направлений понимания того, что означает следовать правилу, как следование правилу реализуется в той или иной сфере деятельности, каким образом надлежит оценивать результат применения правила и т. п. Этот сценарий предлагает трактовать следование правилу в духе игры как регулируемого правилами взаимодействия между людьми, которое конституируется посредством определенного корпуса правил и регулируется отличным от него корпусом правил. Он состоит в том, чтобы похожие, но явно не одинаковые случаи применения тех или иных правил похожими, но очевидно различными агентами в похожих, но все же не в идентичных условиях, считать неким «семейным сходством». Практический сценарий понимания следования правилам аргументации в духе «семейного сходства» подразумевает, что аргументация как зонтичный термин объединяет под собой похожие, но разные виды деятельности.

Этот сценарий открывает возможность для дальнейшего уточнения идеи следования правилу, по меньшей мере, в трех направлениях, которые условно можно назвать «для кого правила», «как-правила», «где-правила». Они соответственно перекликаются с тремя аспектами, выделенными выше:

— «для кого правила» — это следование правилу как агентно-зависимая стратегия или тактика, регулирующая поведение агентов применительно к заданной цели;

— «где-правила» — это следование правилу как практическое освоение некоей предметной области — области приложения данного правила;

— «как-правила» — это следование правилу как некая технология, know-how достижения необходимого результата, обусловленного не только этим правилом и особенностями (условиями) его применения.

В связи с изучением аргументации можно неисчерпывающим образом указать несколько областей, где эти направления исследований получили развитие. Так, в лингвистической прагматике,

оказавшей влияние на моделирование лингво-прагматического уровня аргументации, Дж. Серлем было введено разграничение между регулятивными и конститутивными правилами, на которое мы здесь опираемся. В «Золотой ветви» Дж. Фрэзера, где Витгенштейн находил подтверждение плодотворности своей идеи «семейного сходства» применительно к изучению языков, просматривается связь с этнологическими и культурологическими изысканиями, имеющими отношение к социально-коммуникативному уровню аргументации. В последнее время набирают силу эмпирически ориентированные исследования в области применения и бытования логических правил, где в фокусе обсуждения оказывается не формулировка или корректность применения самих правил и соответствующих им фигур умозаключения, а сопутствующие им и часто принимаемые по умолчанию «для кого правила», «где-правила» и «как-правила». Речь идет о психологических и социально-коммуникативных аспектах постановки интеллектуальных задач, для решения которых применяются те или иные правила.

Теоретический сценарий заключается в том, чтобы считать парадоксальной саму идею следования правилу, и именно этот сценарий представляет ее как проблему следования правилу. Теоретический сценарий вылился в обсуждение этой проблемы после того, как У. Куайн указал на лингвистический релятивизм, вытекающий из идеи следования правилу, а С. Крипке диагностировал в ней скептический парадокс.

Мысль о том, что идея следования правилу является парадоксом, принадлежит Витгенштейну. «Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут нет ни соответствия, ни противоречия. Мы здесь сталкиваемся с серьезным непониманием. <...> А это свидетельствует о том, что существует такое понимание правила, которое не является интерпретацией, а обнаруживается в том, что мы называем “следованием правилу” и “действием вопреки” правилу в реальных случаях его применения»⁹.

Суть скептического парадокса здесь Крипке увидел в том, что для скептика не существует такого факта, который способен был бы подтвердить применение или неприменение данного

⁹ Витгенштейн Л. Философские исследования. М., 2011. § 201.

правила, повлекшего, как кажется, появление данного факта. Целью аргумента Крипке о скептическом парадоксе является не сама по себе идея следования правилу, а связанная с ней мысль Витгенштейна о том, что эта идея представляет собой устойчивый симптом, указывающий на рациональный характер деятельности людей. Если бы данная мысль Витгенштейна была верна, то всякое фактическое положение дел, возникающее в результате определенных действий человека, являло бы собой не только данный факт, но также и правило, которому следовал этот человек, выполняя свои действия, приведшие к данному положению дел. Иными словами, всякий результат действия агента подавал бы сразу несколько сигналов рациональности агента: о правиле его получения, о том, что между правилом и результатом есть каузальная связь, о том, что агенту были известно правило и т. п.

Поскольку математика выступает наиболее очевидным идеалом строгости знания и как точная наука в русле идеализирующего пути содержит корпус правил для операций над четко очерченными предметными областями, с четко сформулированными условиями применения, постольку иллюстрируя свой аргумент математическим примером, Крипке демонстрирует не только сомнительность этой мысли Витгенштейна, но и проблематичность самой идеи следования правилу даже в математике, где, казалось бы, она скорее всего должна бы найти подтверждение.

Абдуктивный по своему характеру аргумент Крипке опирается на идею наилучшего объяснения действий, и он показывает, что объяснение посредством идеи следования правилу не только не наилучшее, но и не объясняет того, для чего предназначено. Крипке рассуждает следующим образом. Предположим, что у нас есть два вида операции сложения, «плюс» — сложение — это обычная арифметическая операция, и «квус» — сложение — та же самая операция, отличающаяся в том, что если одно из слагаемых больше 57, то сумма равна 5 независимо от других слагаемых. Представим, что Павел, производя вычисления в уме, записывает на листе бумаге последовательность чисел, выражающих суммы двух слагаемых, одно из которых 68, а другое — натуральное число, начиная с 1. До числа $125 = 68 + 57$ наблюдающая за появлением последовательности чисел на бумаге Полина не может с точностью сказать результатом какой операции они являются, «плюс» — сложения или «квус» — сложения, хотя далее это уже можно будет с точностью определить: если в последовательности появляются числа

больше 125, то числа «плюс» — складывали, а если появляется число 5, то их «квус» — складывали. До числа 125 Полина может с одинаковой степенью достоверности полагать, что последовательность получена «плюс» — сложением, и что она получена «квус» — сложением. Равным образом, и после появления на бумаге числа 125 не получится достоверно установить, посредством какого правила получены числа, которые Павел записывает. Полина может заключить, что серия из числа 5, продолжающая появляться на бумаге после числа 125, — это результаты «квус» — сложения. Вместе с тем она может прийти к выводу, что дело обстоит противоположным образом, и Павел стал действовать вопреки правилу «квус» — сложения, например, потому что догадался, что можно просто писать 5 и более нет необходимости прикладывать умственные усилия, чтобы производить какую-либо из операций сложения в силу неизменности ее результата для слагаемого больше 57.

Так мы получили два равновероятных объяснения одного результата, поэтому ни одно из них нельзя признать наилучшим. У нас нет оснований сомневаться в посылках, выражающих техническую сторону дела — арифметических операциях, точности их определений и т. п. Следовательно, единственным подозрительным кандидатом оказывается утверждение о том, что факт получения определенного результата — числа, выражающего сумму двух слагаемых, — свидетельствует о том, что он был получен по определенному правилу, и это утверждение не может быть принято как наилучшее объяснение.

К аналогичному результату приходит Крипке и в попытке трактовать свой аргумент как индуктивное обобщение на основе прошлого опыта арифметических вычислений посредством сложения. Этот опыт помогает, если предположить, что последовательность появляется при помощи привычного «плюс» — сложения, но превращается в «ложного друга», когда речь идет о двух операциях, способных дать одинаковый результат.

Таким образом, несостоятельным оказывается теоретический сценарий следования правилу, трактующий правило в духе идеала как необходимое и достаточное условие получения определенного результата. Этот сценарий терпит крах из-за стремления связать правило с единственным идеалом строгости рассуждений и по умолчанию, базирующемуся на согласии в отношении идеала, распространить действие правила без ограничений, отвлекаясь от агентных аспектов, сферы и условий применения.

4. Следование правилу как деятельность

Скептическая постановка проблемы следования правилу вызвала оживленные дискуссии ученых во второй половине XX в., которые продолжаются и по сей день. Одни авторы вслед за Крипке считают, что, утверждая парадоксальный характер идеи следования правилу, Витгенштейн занял скептическую позицию, согласно которой если и следование правилу и его нарушение равным образом способны сигнализировать о существовании правила, то ни одно из них не является достаточным основанием, чтобы утверждать, что правило существует и ему следовали. Эта распространенная позиция получила название «Крипкенштейн».

Другие авторы отвергают скептическую интерпретацию, которую Крипке дает Витгенштейну, и придерживаются иного взгляда на суть идеи следования правилу. Эту позицию можно назвать практической, потому что в определенном смысле она развивает практический сценарий Витгенштейна в духе идеи «семейного сходства». Мы будем называть ее деятельностной интерпретацией, т. к. она стремится объединить разные виды практической деятельности людей под идеей следования правилу как некоей общей для них всех характерной особенностью¹⁰.

Наподобие того как зонтичный термин «аргументация» объединяет между собой в диверсифицирующем смысле разные виды деятельности, которые можно назвать аргументацией, следование правилу можно трактовать как зонтичный термин во всех трех смыслах: в диверсифицирующем, в ограничивающем, нацеленном на выявление и установление разных групп правил, и в идеализирующем, нацеленном на абстрагирование от агентных аспектов, предметной области и условий применения правил. Основное отличие между деятельностной интерпретацией следования правилу и пониманием следования правилу как зонтичного термина состоит в том, что в качестве зонтичного термина следование правилу будет охватывать также и конституирующее техническое понимание, свойственное теоретическому сценарию и идеализирующей трактовке роли правил, тогда как в деятельностной интерпретации речь может идти либо только о диверсифицирующей трактовке — такой

¹⁰ К сторонникам позиции, противоположной крипкенштейновской, также относятся когнитивисты, которые проводят границу между каузальной и нормативистской трактовкой следования правилу, и бихевиористы, трактующие следование правилу как эпифеномен рациональной деятельности.

путь, по-видимому, в большей степени отвечает практическому сценарию Витгенштейна, либо об ограничивающей и диверсифицирующей трактовках вместе.

Согласно деятельностной интерпретации, идея следования правилу касается рациональных действий и рационального поведения людей, а не только лишь мысли, не только сугубо интеллектуальных операций, каковыми являются рассуждения в уме. Деятельностная интерпретация разводит психологическую и социологическую трактовку идеи следования правилу при помощи акционального, или целе-рационального, понимания действий людей. В рациональной деятельности людей следование правилу носит внутренний инструментальный характер, в отличие от внешнего характера публичных утверждений о том, что данный результат получен путем следования тому или иному правилу. Подобные публичные утверждения хотя и могут достоверно свидетельствовать о роли конкретного правила в получении конкретного результата, однако главной своей целью имеют информирование аудитории об этой связи правила и результата, т. е. отчет о деятельности агента, специально предназначенный для других агентов.

Когда люди следуют правилу в своей деятельности, они стремятся достичь определенной цели — доказать теорему, убедить в чем-то оппонента в споре, произвести вычисления, например, сложить числа, или покрасить стену. Нанося краску кистью с целью покрасить стену, маляр намерен покрасить стену, а не подать сигнал об определенной технике покраски. Выполняя действия для достижения нужного результата, люди не обязательно стремятся к тому, чтобы правило, на которое они полагаются, было очевидным для других, или к тому, чтобы оно было принято другими в качестве гарантирующего определенный результат. Так, в доказательстве теоремы, изложенном в научной статье, читатель найдет аксиомы и правила, на которые опирался автор при его построении, но не эвристики, которые в ходе поиска доказательства позволили автору понять, почему именно эти аксиомы и эти правила нужно или лучше было использовать. Убеждая оппонента в споре, агент может следовать определенным правилам аргументации, но может и пренебречь ими, если решит, что эмоциональное воздействие на оппонента посредством небезупречных риторических приемов скорее обеспечит искомый результат. Такие «внутренние» аспекты своих рассуждений авторы редко помещают в свои статьи и не сообщают напрямую в ходе диалога не в последнюю очередь потому, что они остаются имплицитными привычными ходами мысли и для самого автора.

В отличие от рассуждений, где согласие с заключением, полученным на основе разделяемого слушателями правила — это один из надежных способов пересмотра мнений, во многих поступках людей роль правил, обосновывающих их, остается за кадром. Это характерно как для физических поступков, так и для интеллектуальных действий, производимых в уме, например, для принятия решений, но вряд можно провести между ними границу на основе полученного результата, как и при помощи предположения о следовании правилу. В практических рассуждениях о том, как нужно поступить, и в поступках людей роль обосновывающих правил сводится к мотивам и рассуждениям, в большинстве случаев не предназначенным для других. Даже в тех случаях, когда агент мысленно обосновывает правильность своего поступка при помощи некоторого правила, если затем его спрашивают, почему он так поступил, публичное обоснование может и не совпасть с первоначальным внутренним обоснованием по ряду причин. В рассуждениях, рассчитанных на публичное доказательство какого-либо положения, или на убеждение других в его истинности, правилу отводится роль публичного гаранта, поэтому дедуктивные правила и отсылки к формальным процедурам столь убедительны — они сформулированы с целью достижения всеобщего согласия с выводами рассуждений, полученными на их основе. Такие правила — это «как-правила», они стремятся обеспечить и часто обеспечивают универсальный характер обоснования, вбирая в себя и роль «для кого правил» и «где-правил» благодаря своему универсальному характеру. Иными словами, ради того, чтобы убедить максимально большое количество людей в истинности некоторого положения, можно и нужно пренебречь психологическими особенностями убеждения конкретного человека, а также обобщить условия применимости правила, на основе которого это делается, и ограничить предметную область его действия. В этот момент сведения правила и следования ему к техническим правилам и навыкам и возникает парадокс следования правилу. Следование правилу начинает выступать залогом принятия заключения, как вытекающего из посылок на его основе, и чтобы проверить, действительно ли заключение выведено на его основе, нужно, как в косвенном доказательстве, сделать противоположное допущение о том, что это не так и заключение получено вне следования данному правилу (или получено ошибочно, в результате применения некорректного правила). Эта процедура, упоминаемая Витгенштейном в описании парадокса следования правилу, составляет узловой момент осмысления зазора между корпусом правил и их при-

менением к некоторой предметной области. Положительный результат верификации применимости «для кого правил», «как-правил» и «где-правил» изнутри очерчивает границы этих трех аспектов — агентного, предметного и касающегося условий применения. Положительный результат ее фальсификации делает это снаружи и говорит о том, где и в каких случаях правила не применимы.

Ограничивающий подход признает существование этого зазора и стремится «заполнить» его специальными правилами. Диверсифицирующий подход имплицитно не признает его, потому что признает существование правил разных видов для различных видов деятельности. Идеализирующий подход явным образом не признает существования зазора, полагаясь на универсальную применимость безупречного идеала.

5. Деятельностное следование правилу в аргументации

Деятельностный сценарий идеи следования правилу позволяет понять роль правил в аргументации в двух ракурсах: в инструментально-техническом ракурсе абстрактно понимаемого «как-правила» — правила внутреннего действия, и социально-значимого ракурса широко понимаемого «где» и «для кого» правила, предъявляющего факт следования правилу другим. Все три подхода к пониманию правил подразумевают существование правил изнутри, когда правила и следование им конституируют аргументацию как определенную интеллектуальную деятельность, и снаружи, когда правила выступают в роли идентификатора аргументации и следование правилам не только регулирует ее осуществление в споре, но и сигнализирует о тех или иных приемах аргументирования, избираемых участниками.

Ограничивающий и идеализирующий подходы трактуют правила изнутри в нормативном ключе, как коррелят или идеал. В этой трактовке нарушение правил и ошибки аргументации не допускаются в силу тотального характера правил. Они ведут к прекращению аргументации наподобие того как логическая ошибка в доказательстве означает, что оно не было найдено, а ошибка в вычислении — что оно не было произведено, ошибка в программе — останавливает ее работу. В такой нормативной трактовке следования правилу его нарушение сигнализирует в первую очередь о прекращении деятельности конституируемой этим правилом, и только опосредованно это сигнал может быть расценён как сигнал о существовании правила, которое было нарушено. В идеализирующем подходе аналогичным образом

в нормативном ключе понимается и роль правил снаружи, поэтому интерпретация нарушения правила как сигнала о его существовании не подразумевается нормативной трактовкой правила, и влечет парадокс следования правилу.

В отличие от этого в ограничивающем и диверсифицирующем подходах в силу локальной применимости правил интерпретация нарушения правила как сигнала о его существовании допускается и носит эксплицитно опосредованный консеквенциалистский характер — в духе наилучшего объяснения, которое терпит крах в сценарии Крипкенштейна. Это означает, что идентификация следования правилу снаружи производится опосредованно по результату деятельности. В ограничивающем подходе допустимость такой интерпретации обусловлена тем, что имеются разные группы правил: собственно правила деятельности плюс связующие принципы. В диверсифицирующем подходе под общим «зонтичным» термином или понятием, каковыми являются аргументация и следование правилу, подразумевается существование различных видов деятельности и нетождественных корпусов правил для них. Например, успешность и эффективность (предъявления) аргумента в споре оценивается не только с точки зрения его соответствия логическим правилам умозаключений, но и в зависимости от того, каким образом на него реагирует адресат.

Следование правилу изнутри — это в большей степени техническое и инструментальное следование «как — правилу», когда по умолчанию принимаются специальные условия применения и агентные ограничения. Следование правилу снаружи — это публичный сигнал другим участникам диалога о связи между определенным правилом и определенным результатом. Следование правилу связано с ошибками аргументации, потому что квалифицируя аргумент как неприемлемый, т. е. как ошибку аргументации, мы также трактуем ее как сигнал о существовании правила, которое было нарушено. Парадокс следования правилу возникает из-за путаницы между техническим пониманием следования правилу изнутри действия и сигналом о существовании правила, которому публично следуют во внешнем проявлении действия¹¹.

Задать вопрос о том, действительно ли данный результат есть результат применения вот этого правила, и корректно ли само правило, равнозначно тому, чтобы поставить под сомнение полученный результат и сделать это при помощи апелляции

¹¹ Похожий случай — путаница между символом и знаком.

к идее следования правилу как к нормативной или технической процедуре. В связи с ошибками аргументации деятельностный сценарий поясняет снаружи, в смысле обнаружения в диалоге и споре, почему некоторые аргументы, часто считающиеся ошибочными, например, такие как «аргумент к человеку», «аргумент к авторитету» или «аргумент к жалости», могут быть приемлемыми в отдельных случаях. Иными словами, этот сценарий проводит границу между случаями, когда техническое следование «как-правилу» есть одновременно и сигнал о следовании ему и о его существовании, т. е. есть также и «где-правило» и «для кого правило», и случаями, когда такое совмещение не допускается.

Особенность апеллирующих аргументов заключается в том, что они позволяют использовать в качестве дополнительных посылок утверждения об агентах, участвующих в спорах, а это, как правило, не относится непосредственно к содержанию спора. Так, «аргумент к человеку» состоит в том, что участник спора объявляется не достойным доверия из-за неподобающего поведения или морального облика, что способно повлечь отклонение его точки зрения: «Он известный лгун, не стоит верить его словам!» Аргумент к жалости апеллирует к эмоциям: «Голодающие дети нуждаются в помощи, без которой неизбежно умрут в мучениях. Пожертвуйте на помощь голодающим детям!». «Аргумент к авторитету» объявляет утверждения, принадлежащие авторитету, заведомо истинными и не доступными для критики. В соответствии с канонами идеала логической строгости рассуждений в аргументации о мнениях и знаниях, т. е. в убеждении и обосновании, такие аргументы считаются нерелевантными теме обсуждения и поэтому ошибочными. Например, авторитет ученого важен для социальной судьбы статьи, в которой он изложил доказательство теоремы, выступающее аргументом в пользу того, чтобы читатель принял содержание теоремы за истинное. Но его авторитет не важен для оценки формальных характеристик доказательства, наподобие того, как это происходит с вычислениями, производимыми профессором и учеником по тем же самым правилам. Вместе с тем такие аргументы не обязательно ошибочные в ограничивающем и диверсифицирующем подходе, где признается существование разных групп правил.

Правила аргументации, действующие на одном уровне анализа, например, на формальном или лингво-прагматическом, могут играть техническую роль, быть правилами изнутри и приниматься по умолчанию на другом уровне. Например, правила осуществления тех или иных речевых действий, составляющих

иллокутивно-актовый комплекс аргументации, на социально-коммуникативном уровне аргументативного диалога трактуются как необходимые условия для его успешного проведения, а на формальном — не играют никакой роли вообще, потому что по умолчанию считается, что они выполняются.

Итак, можно выделить следование двум группам правил. Первая группа — это технические «как-правила» инструментального характера, правила изнутри, которым следуют имплицитно и от особенностей их применения, выражаемых «для кого правилами» и «где правилами» отвлекаются по умолчанию. Вторая группа — это правила снаружи, предназначенные для публичной демонстрации чего-либо, они являются социально значимыми и когда им следуют, то явным образом заявляют об этом. Эти две группы правил по своему содержанию могут быть идентичными, но различаются по роли, которую они играют в деятельности людей. Вторая группа правил (снаружи) подразумевает, что аспекты применения правила, принимаемые по умолчанию, существенные и принимаются всеми участниками коммуникации. В отличие от этого, первая группа правил (изнутри) полагается на то, что от таких аспектов по умолчанию абстрагируются как от несущественных для достижения результата. Тем самым нарушение условий применения правила второй группы ведет к тому, что участники диалога стремятся удостовериться в том, что условия по-прежнему принимаются и правилу по-прежнему следуют. В апеллирующих аргументах это означает пренесение бремени доказательства с требованием подтвердить следование определенным ее правилам или отклонить это, что будет свидетельствовать об ошибке аргументации.

Выделение этих двух групп — это плодотворный шаг и в философии языка, как показала идея конститутивных и регулирующих правил Серля, и в аналитическом прагматизме, в русле которого находится и практический сценарий понимания следования правилу Витгенштейном. Один из наиболее влиятельных представителей аналитического прагматизма Р. Брэндом полагает, что имеется шесть отношений консеквенциалистского характера, вместе составляющих достаточные основания для того, чтобы мотивацию агента для совершения действия и публичный отчет о ней увязать в единую каузальную цепь, повествующую о том, как именно происходит следование правилу. Наподобие разграничения между группами технических и социально значимых правил, эти шесть отношений Брэндом похожим образом подразделяет на две группы. Одну группу составляют неявные фундаментальные, или семантические, отношения, определяю-

щие суть правила и сферу его применимости, а другую — явные социально-прагматические, детерминирующие то, каким образом деятельность должна быть публично предъявлена, чтобы считаться следованием тем или правилам.

Апеллирующие аргументы не отвечают техническим правилам аргументации, в качестве которых обычно выступают логические правила, играющие роль фундаментальных семантических отношений для аргументации о мнениях сторон. Строго говоря, они не отвечают и содержательному социально-прагматическому правилу релевантности, причисляемому либо к лингво-прагматическим, либо к социально-коммуникативным правилам. Однако ни того ни другого еще не достаточно, чтобы квалифицировать использование такого аргумента в споре как ошибку аргументации.

Правило релевантности в случае апеллирующих аргументов тоже понимается особым образом. Оно заключается в переносе бремени доказательства на того, кто использует такой аргумент, с тем чтобы участник спора наряду с его использованием продемонстрировал его релевантность. Агент, объявляющий точку зрения другого агента неприемлемой, потому что тот не достоин доверия (аргумент к человеку), или, наоборот, заведомо приемлемой из-за авторитетности ее источника (аргумент к авторитету) или из-за сочувствия, эмоциональной предрасположенности к ее последствиям (аргумент к жалости), тем самым берет на себя обязательство подтвердить релевантность такого аргумента, если другие агенты настаивают на этом. Таким образом, апеллирующие аргументы можно считать своего рода прагматическими и коммуникативными сигналами о следовании определенным правилам аргументации в условиях ограниченной информации. Апеллирующий аргумент рискует оказаться ошибкой лишь в тех случаях, когда другие участники выражают сомнение в том, что правила не были нарушены, и настаивают на подтверждении релевантности.

Вопрос, стало быть, заключается в том, являются ли апеллирующие аргументы по умолчанию приемлемыми или, наоборот, по умолчанию не приемлемыми. В первом случае такие аргументы допустимы при условии, что другие агенты не настаивают на подтверждении их релевантности или, если они настояли на этом, их релевантность была подтверждена. Это означает, бремя доказательства приемлемости апеллирующего аргумента лежит на том, кто его использует, а право оспорить — на участниках спора, которым адресован такой аргумент. Во втором случае апеллирующие аргументы не допускаются, разве что тот, кто

желает использовать такой аргумент, берется одновременно с его использованием продемонстрировать его соответствие правилам, включая его релевантность.

Так, апеллирующие аргументы по умолчанию допустимы в аргументации о действиях, потому что когда ведут спор о действиях, уместно обсудить обстоятельства их совершения и агентов, которые их будут совершать. Однако в аргументации, касающейся знаний и мнений, подобные аргументы по умолчанию не приемлемы. В такой аргументации речь идет об истинности утверждений и в большинстве случаев считается не существенным, какому агенту принадлежат знания и мнения, истинность которых оспаривается.

Аргументация о знаниях и мнениях в большей степени отвечает логическому или математическому идеалу строгости и значительная часть из «для кого правил», «где правил» и «как правил» здесь строго очерчена. В такой аргументации «аргумент к жалости» не допускается вообще, а «аргумент к человеку» и «аргумент к авторитету» допустимы только как свидетельство или экспертное мнение. Это означает, что вводятся специальные ограничения на «где правила» — они применяются лишь к обсуждению мнений об особых фактах, на «как правила» — можно опираться только на определенные фигуры рассуждений, и на «для кого правила» — личностные аспекты говорящего и слушающего не берутся в расчет и не могут служить аргументами, за исключением случаев, когда это допускается «где правилами». Все это делает невозможным использовать «аргумент к жалости», потому что он рассчитан на возникновение эмоционального переживания в слушающем, способствующего выполнению им действий, на которых настаивает говорящий. Поэтому такой аргумент по умолчанию допустим в аргументации о действиях. В аргументации о знаниях и мнениях речь идет об истинности утверждений, и эмоциональное переживание не признается в качестве аргумента для этого. Для «аргумента к человеку» и «аргумента к авторитету» в «для кого правилах» сделано уточнение — допускаются свидетельство и экспертное мнение, особым образом подтверждающие истинность одной или нескольких посылок, в условиях, когда их истинность ограничена предметом рассмотрения.

Подведем итог этого раздела. Апеллирующие аргументы признаются в аргументации одновременно допустимыми и не допустимыми, наподобие того, как парадокс следования правилу сигнализирует о действии по правилу и вопреки правилу. В этом разделе мы провели границу между трактовками роли правил

аргументации в связи с пониманием ошибок рассуждений как нарушений правил, и это проливает свет на роль идеи следования правилу в определении рационального характера действий агентов. Апеллирующие аргументы считаются ошибочными, когда правила аргументации понимаются в идеализирующем смысле, как ее методологический фундамент, техническое следование «как-правилу» изнутри, не предназначенное ни для чего иного, кроме того, чтобы обеспечить воплощение этого идеала в действии, производимом в согласии с правилом. Поскольку апеллирующие аргументы вводят в умозаключение дополнительные посылки, касающиеся личности агента и фактических обстоятельств осуществления умозаключения, постольку для того, чтобы считать такие аргументы допустимыми, требуется учитывать аспекты «для кого правил» и «где правил» соответственно, а от этих аспектов следования правилу идеализирующий подход абстрагируется. В диверсифицирующем подходе, напротив, они занимают важное место в определении вида аргументации. В этой трактовке правил аргументации апеллирующие аргументы по умолчанию считаются допустимыми в аргументации о действиях при условии, что выполняются эти специальные требования, касающиеся «для кого правил» и «где правил»: агент, использующий апеллирующий аргумент, должен подтвердить его релевантность, если этого требуют другие участники спора. Промежуточный вариант между допустимостью апеллирующих аргументов в диверсифицирующей трактовке правил аргументации и их недопустимостью в идеализирующей трактовке занимает ограничивающая трактовка. В этом подходе установлены специальные границы или очерчены специальные случаи допустимости подобных аргументов, признаваемых ошибками аргументации во всех остальных случаях.

Следование правилам аргументации на примере апеллирующих аргументов демонстрирует плодотворность деятельностной интерпретации этой идеи. Она позволяет сформулировать необходимое условие для того, чтобы считать следование правилу рациональным действием: по умолчанию принимается, что агент действует рационально, если нет возражений или весомых свидетельств обратного. При таком понимании идеи парадокса следования правилу не возникает. Вместе с тем она не позволяет сформулировать достаточного основания для того, чтобы считать следование правилу рациональным действием: результат действия, которое может казаться рациональным следованием правилу, сам по себе и вне специального рассмотрения не является сигналом о том, что агент следовал данному правилу.

Заключение

Следование правилу в аргументации будет парадоксальным в витгенштейновском смысле только в идеализирующей трактовке ее правил, когда корпус правил идеала понимается в техническом смысле, как семантический фундамент, и служит необходимым и достаточным условием получения повторяющегося результата. Так происходит из-за того, что правила, предназначенные для следования им изнутри интерпретируются в том числе как сигналы о следовании им, т. е. как правила, предназначенные для внешней идентификации действий. Этот подход к идее следования правилу совпадает с теоретическим сценарием ее понимания Витгенштейном и ведет к скептическому парадоксу в духе «Крипкенштейна».

В диверсифицирующей и ограничивающей трактовке правил аргументации идея следования правилу не ведет к парадоксу, а свидетельствует о ее практическом, или деятельностном понимании в духе «семейного сходства». Это обстоятельство проиллюстрировано апеллирующими аргументами, которые считаются ошибочными в идеализирующей трактовке, но выступают допустимыми приемами аргументации диверсифицирующей и ограничивающей трактовке.

